

ФИЛОСОФИЯ

*Ольга Виленовна ПАВЛОВСКАЯ —
аспирант кафедры философии*

УДК 1+73

ОЦЕНКА КОМПЬЮТЕРНОГО ТВОРЧЕСТВА: ДЕГРАДАЦИЯ «ЖИВЫХ» СВЯЗЕЙ И «ЗАХВАЧЕННОСТЬ» ИЛЛЮЗОРНЫМ МИРОМ

АННОТАЦИЯ. Статья освещает проблемы компьютерного творчества: изолированность людей в киберпространстве и неясность онтологического статуса продуктов этого творчества.

The author tackles several problems connected with creative activity within cyberspace focusing upon the tendencies of estrangement and ontological status of cyber produce.

Основных негативных факторов, на которые ссылаются исследователи в оценке компьютерного творчества, на мой взгляд, два: возросшая отчужденность (дистанция) между людьми и иллюзорность конечного продукта творчества, причем эти негативные особенности самой виртуальной реальности непосредственно связаны. Например, занимаясь какой-либо работой в виртуальной компании и переправляя результаты своих усилий по электронной почте, человек оказывается как бы придатком своего компьютера, его межличностные связи деградируют, а возможность увидеть воплощение того, что, собственно, он делал в течение рабочего дня, у него еще меньше, чем у работника конвейера на обычном производстве.

Однако дистанция выступает необходимым условием позиционирования себя по отношению к миру. Это не значит, что человек начинает за счет нее осознавать свое положение в мире, тогда мы имели бы дело с банальным философствованием; напротив, он продолжает находиться в «потоке» жизни, воспринимает ее непосредственно, но как бы в разных ипостасях. Дистанция дает возможность дифференциации мира, препятствует перенесению одних связей (в частности, человеческих, межличностных) на другие (например, производственные). Это нельзя считать чем-то, во-первых, принципиально новым и, во-вторых, самим по себе негативным. Напротив, зачастую стремление оградить «частную жизнь» от «публичной» заставляет людей умышленно задавать эту дистанцию, исполнять «социальные роли» и пр. Однако общая тенденция социума «гуманизировать» все виды человеческой деятельности сгладила противоположность механистического, основанного на экономической целесообразности, и собственно человеческого. Возвращение к предшествующему этапу произ-

водственных отношений, да еще при посредстве компьютера, в таком идеально-чистом виде, действует на человека угнетающе. Полная зависимость от работодателя, обнаружившаяся при интенсификации труда рутинность работы, внезапно обострившаяся противоположность разных видов деятельности, поддержанная технически виртуальной дистанцией, — все это показало вдруг негативные стороны того процесса, которым они занимались. Стало совершенно очевидным, что предпочесть виртуальные компании обычным могут два вида работников: либо предельно заинтересованные в интенсивности труда и соответствующем вознаграждении за него, либо те люди, для которых такая организация труда не ведет к увеличению его рутинности, то есть творческие работники. Следовательно, работники виртуальных компаний, шаблонно повторяющие изо дня в день одни и те же действия, по большей части вообще выпадают из сферы моего рассмотрения, они используют виртуальное пространство лишь в качестве средства сверхбыстрого инструмента привычной производственной деятельности, которое требует соответствующей организации труда. Творческий потенциал виртуальности никак ими не используется.

С другой стороны, в виртуальной реальности дистанция легко задается и легко преодолевается, поэтому даже творчески ориентированный человек может столкнуться с переживанием угрозы, исходящей от компьютера. Отчужденность превращается в чувство беспомощности. Осознание того, что ты занесен в некие базы данных, оставляешь свои следы в виртуальном мире, то есть становишься все более открыт для стороннего вмешательства, может увеличивать его «депрессивный потенциал», особенно в странах, в которых схема «государство-машина и человек-винтик» содержалась некогда в представлениях социума.

Неудивительно, что этот страх персонифицируется, передается инфернальными образами, что находит отражение в искусстве (например, в кинолентах «Звонок», «Матрица» и пр.). Здесь следует заметить некоторую разницу между классическими сюжетами оживания (или оживления) произведений искусства и этими «неопроникновениями». Оживший портрет, статуя, зловеще просачивающийся в обычную жизнь цирк или карнавал, артисты театра, играющие в зрительном зале, — все это развитие классического сюжета, прорыв персон «с другой стороны» в наш мир в экстраординарном порядке, в локальном пространстве, без привнесения в него духа апокалипсиса и тотальности. Иное дело — современный виртуальный мир, который становится как бы «третьей силой» наряду с классическим потусторонним миром (не однозначно-негативным, но включающим полярную оппозицию: рай-ад, сансара-нирвана и подобные). Этот мир чужд, не освоен, систематизирован, то есть всегда четко, в отличие от человека, различает межмирные границы, не содержит временных разрывов, на его счет нет никаких предсказаний и обетований, не проявляет своей заинтересованности в человеке. Виртуальность вполне может присутствовать в нашей жизни подобно вирусу, о котором до поры до времени мы не знаем.

Пугающая тотальность чуждой силы — явление, естественное для человека. Мир изначально был человеку чужд, и также изначально существовали механизмы борьбы с этой чуждостью, заброшенностью и тревогой. Двойная поддержка — социума и высших сил — обеспечивала смягчение смертельной перспективы в традиционном обществе. Однако с Нового времени ситуация меняется. Вера в прогресс порождает веру в справедливость, которая включает в себя устранение из жизни рискованных ситуаций, обещает «своевременную» смерть от старости, отодвигает тревогу, социальная поддержка теснит сакральную. В то же время, претендуя на главную роль защитника, общество то и дело проваливает ее, одновременно дискредитируя религиозные чувства. Вплоть до настоящего времени тревога то вытесняется из сознания, то взрывоопасно возвращается туда, мир

кажется то стабильным, человечным и идущим к глобализации, то предельно нестабильным и зависящим от прихоти ничтожного количества людей.

Таким образом, по одну сторону противостояния оказывается виртуальный всепроникающий враг (чью силу, кстати, неспециалист оценить не может, а потому гипертрофирует), по другую же — одиночка, голая индивидуальность, которая не представляет для этого врага ни ценности, ни интереса. Больше того, врага создает само общество, не только отрекаясь из-за избытка человеческих ресурсов от своего члена, но и напрямую угрожая ему через этого врага. Индивид лишен обеих традиционных опор; это, безусловно, может стать причиной его изолированности и деградации его межличностных связей, однако опыт пользователей виртуальной реальности говорит и о другом. Перед лицом «врага» происходит консолидация в рамках киберпространства; неподцензурность виртуальных ресурсов позволяет делиться опытом, предупреждать друг друга, вырабатывать свой этикет общения, оказывать информационную и моральную поддержку. Мистический ореол, как правило, присутствует в виртуальном пространстве кино, литературы и других «смежных» областей, внутри же виртуальности, создаваемой при помощи компьютера, этот ореол демифологизируется.

Поэтому другой аргумент против признания за компьютерным творчеством какой-либо культурной значимости касается самого виртуального пространства: действительно, человек может быть активен, свободен от ощущения угрозы или изоляции, но он творит нечто эфемерное, иллюзорное, не имеющее отношение к жизни, его активность «вынута» из подлинной реальности ради «неполноценного бытия», каковым якобы является виртуальная реальность, он пассивен по отношению к запросам нашего мира, социально отстранен. Однако здесь оценка наталкивается на проблему: какая именно активность тогда должна считаться желательной? Если сделать признаком того, что человеческая жизнь состоялась, не творчество индивида, в том числе творчество, не получившее общественного резонанса, который зачастую случаен, то надо указать, что таким признаком будет причастность чему-то еще. Либо мы оцениваем кого-то с его собственных позиций (берем за точку отсчета его счастье, полноту бытия, субъективные ощущения «состоявности»), либо с позиций общества — насколько этот кто-то был полезен социуму, скольких сделал счастливыми, скольким жизням дал полноту бытия и позволил ощущать себя состоявшимися в результате его деятельности; других доступных рациональности точек зрения у нас нет. Понятно, что второй метод состоятелен, только если общество имеет стабильные ценности или вовлечено в какой-то крупный социальный проект — тогда сложность оценки будет исключительно в интерпретации, насколько деятельность соответствует поставленным задачам, а насколько в перспективе оказывается ошибочной. Вероятно, современное западное и российское общество сейчас не может похвастаться ни монолитностью, ни ценностями, которые искренне считаются вечными, ни сознательно выбранными тотальными целями и разработанными планами их достижения. Кроме того, огромное количество людей могут позволить себе жизнь вне экзистенциальных ситуаций — не служить в армии, не рисковать своим здоровьем и благополучием, не трудиться в поте лица, обеспечивая рынки продуктами первой необходимости. Общество продолжит нормальное воспроизведение и трансляцию культурных ценностей, даже если половина населения внезапно исчезнет. Мы имеем избыток человеческих ресурсов и отсутствие желания проводить крупные социальные эксперименты, к которым после XX века мы приобрели известный иммунитет. Естественным результатом гуманистического взгляда на общество является следующая метаморфоза восприятия: декларируется соизмеримость индивида и культуры. Человек в своей уникальности провозглашается нашим обществом самодостаточ-

ной ценностью, в то же время в своей единичности он чаще всего этому обществу не нужен, а насущной необходимости стать одним из многих, чтобы коллективно решать некие глобальные задачи, у него нет. Поэтому творческая активность и становится тем основным показателем, по которому может быть оценен человек. «Восстанию масс», «молчаливому большинству» противостоит активный индивид, это позитивный процесс, и неважно, какой именно продукт он создает — реалистичный, «оторванный от действительности», или вообще не принадлежащий этой действительности. Вероятно, со времен платоновского «Государства» ни одному жанру искусств не бросался упрек, заключающийся исключительно в том, что он творит иллюзию. Творение иллюзий простилось искусству. Теперь мы наблюдаем расширение иллюзии за рамки искусства в некую виртуальную «реальность», в персональное творчество вообще. Таким образом, «вырывание» человека из среды живого общения с себе подобными — отнюдь не обязательное условие «погружения» в виртуальную реальность, а сотворение им в этой реальности иллюзорных существ — не асоциально, оно спровоцировано избытком возможностей, предоставленных нам современным обществом, способным технически обеспечить духовные запросы большого количества своих членов. Кроме того, «иллюзорность» (то есть, в данном случае, переживание событий виртуального мира как «почти настоящих») способствует порождению новых культурных смыслов, которые закрепляются в сознании пользователей виртуальными ресурсами и уже так, опосредованно, проникают в реальность, изменяя культурные стереотипы, которые будут передаваться следующему поколению.

*Ирина Николаевна ПУПЫШЕВА —
аспирант кафедры философии*

УДК 165. 21

К ПОСТРОЕНИЮ КОМПЛЕКСНОЙ ТЕОРИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена категориальному определению познавательных и онтологических границ представления.

Article is devoted categorical to definition of epistemological and ontological limits of representation.

Биологическое и социальное развитие человечества, научное и околонучное движение мысли человека о себе и другом, выводят категорию представления из гносеологической «периферии» в «центральные» философские категории, что необходимо расширяет лексико-семантическое поле собственно представления. Но при всей универсальности употребления эта категория так или иначе тяготеет к вполне определенным дефинициям.

И прежде всего представление соотносимо с образом. Иными словами, представление видится нами совершающимся образно и в образе. Оно возникает рефлекторно, на чувственно-перцептивной основе, а потому есть образ *чувственный*. Но по мере развития познавательных способностей и возможностей образование представлений становится более сознательным, организованным и осознанным, а представляемый образ — *познавательным*. Кроме того, представлением может оформиться *мысль*, знание переработанное — обобщенное, синтезированное, категоризированное, абстрагированное. К тому же представленное после-знание (знание, получаемое после чувственного восприятия, рациональной его обработки, а также собственно движения мысли, как то: вообра-